

ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.)

АВГУСТА 15. № 16. 1885 ГОДА.

НОВАЯ ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ ЗАДАЧА ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ.

Обнародованное въ истекшемъ году правительственное распоряженіе объ усиленіи и повсемѣстномъ распространеніи церковно-приходскихъ школъ встрѣчено было и въ литературѣ, и въ обществѣ съ немалымъ сочувствіемъ. Мысль о школахъ церковно-приходскихъ, такъ еще недавно принимаемая нѣкоторыми съ недовѣріемъ, а иногда и съ явнымъ недоброжелательствомъ, признается съ тѣхъ поръ заслуживающей полнѣйшаго сочувствія и искренней благодарности; идея тѣсной, органической связи народной школы и церкви—началомъ возрожденія Русской народности; заслуги же духовенства на поприщѣ народнаго просвѣщенія, послѣ оффиціального признанія за церковною школою правъ на ея существованіе, документально и открыто предъ всеми свидѣлствуются, какъ заслуги несомнѣнныя, и слѣд., съ другой стороны—какъ залогъ и для будущаго благотворнаго вліянія на общество школъ церковно-приходскихъ (циркул. мин. народ. просв. въ попечит. учебн. окр. отъ 24-го Іюля 1884 г.). Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ взглядъ на церковно-приходскую школу, какъ школу, воспитывающую народъ въ религіозно-нравственномъ смыслѣ, неоспоримо вѣренъ, и повсемѣстное учрежденіе училищъ при церкви—фактъ въ высшей степени желательный и отраднѣйшій. Но, всматриваясь въ наличное состояніе у насъ на

Руси народнаго просвѣщенія, мы, кромѣ того, не можемъ пройти молчаніемъ и задачъ для церковно-приходской школы временныхъ, историческихъ, которыя естественно открываются предъ нею теперь, при ея возрожденіи.

Для всякаго, кто только интересуется дѣломъ отечественнаго народнаго просвѣщенія и слѣдить за его успѣхами, долженъ быть очевиднымъ тотъ фактъ, что народное просвѣщеніе, широко волною разливаясь теперь повсюду, все шире и шире захватываетъ собою предѣлы отечества, все глубже и глубже прививается къ его населенію. Но при этомъ не могутъ быть не отмѣчены и два весьма важныхъ тормазы, существенно задерживающихъ прогрессъ народнаго просвѣщенія и ослабляющихъ благотворное дѣйствіе школы на массу; оба они коренятся въ тѣхъ условіяхъ, которыя переживаетъ теперь у насъ все дѣло народнаго просвѣщенія. И прежде всего, наше народное просвѣщеніе, школы и подобныя имъ просвѣдительныя учрежденія коснулись далеко еще не всего населенія, — несмотря на свою давность, не успѣли еще, если можно такъ выразиться, заручиться всеобщимъ сочувствіемъ, не успѣли еще создать для себя такую благопріятную почву, на которой твердо могло бы стоять зданіе народной цивилизаціи. Наличная же почва, на которой должна раскрывать свою дѣятельность современная школа, въ качественномъ отношеніи груба и недостаточно обработана. Рядомъ со школой и въ окружающемъ ее населеніи, и въ самой семьѣ обыкновенно мы видимъ теперь множество некультурныхъ элементовъ, не только не содѣйствующихъ началамъ народнаго просвѣщенія, но парализующихъ его, а иногда и совершенно заглушающихъ его благотворное дѣйствіе. Быстрота и ростъ народнаго просвѣщенія въ нихъ встрѣчаютъ естественно для себя серьезное противодѣйствіе; прогрессъ народа ими существенно задерживается. Что именно таково отношеніе необразованной среды къ началкамъ просвѣщенія, посвящаемымъ въ школы, въ доказательство этого можно сослаться на вѣсколько фактовъ. Въ педагогической

практикѣ учителей народныхъ училищъ—довольно обыкновенное явление, что поступающія къ нимъ въ школу дѣти, несмотря на свой уже значительный возрастъ (8—11 л.), часто оказываются неимѣющими самыхъ элементарныхъ, необходимѣйшихъ знаний,—какъ будто они жили до сихъ поръ рѣшительно безъ всякаго руководства. Три года тому назадъ пишущему эти строки самому лично привелось быть при приемѣ учениковъ въ одной изъ народныхъ школъ Тверской губерніи (въ селѣ Ильгощахъ Вѣжецкаго уѣзда). Грустное и тяжелое впечатлѣніе получалось при этомъ. Дѣти 8—11 лѣтъ оказывались неимѣющими ни малѣйшихъ предварительныхъ знаний ни о грамотѣ, ни о школѣ, ни о самомъ обученіи, ни о церкви, ни о ея богослуженіи, не знали молитвъ самыхъ простыхъ и общеизвѣстныхъ, какъ напр. „Господи помилуй“, „Господи Іисусе Христе Сыне Божій“, „Богородице Дѣво“ (*) не умѣли молиться, осѣнять себя православнымъ крестнымъ знаменіемъ. Конечно, дѣти не знали всего этого потому, что ихъ не расположили къ этому знанію, не научили этому въ семьѣ,—что ихъ воспитатели и руководители отнеслись весьма равнодушно къ ихъ просвѣщенію. Если таково отношеніе необразованной среды и семьи къ дѣтямъ, еще не бывшимъ въ школѣ, то нѣтъ основаній предполагать, что оно будетъ инымъ въ періодъ самаго обученія, или по окончаніи его. И опытъ дѣйствительно показываетъ, что просвѣщеніе при этихъ условіяхъ прививается къ населенію съ трудомъ и съ большими задержками,—начала просвѣщенія, данныя въ школѣ, не находя для себя поддержки въ окружающемъ обществѣ и семьѣ, естественно гложуть и замираютъ и число рецидивистовъ (***) безграмотности по наблюденіямъ сравнительно очень велико. Ясно,

(*) Правда, изученіе этихъ молитвъ и сообщеніе элементарныхъ свѣдѣній входятъ въ программу перваго курса народныхъ училищъ; но совершенное незнакомство съ ними дѣтей еще до школьнаго обученія оправдано быть не можетъ: оно свидѣтельствуетъ о крайнемъ безучастіи воспитателей къ просвѣщенію своихъ дѣтей.

(**) Такъ называются люди, утратившіе совершенно слѣды школьнаго образованія.

что для успѣшнаго и замѣтнаго дѣйствія современной народной школы требуется прежде всего размягчить эту почву, сдѣлать ее воспримчивою къ начаткамъ просвѣщенія; а это послѣднее возможно лишь подѣ условіемъ широкаго развитія образовательныхъ средствъ. Чтобы сдѣлать народное просвѣщеніе въ качественномъ отношеніи достаточно прочнымъ, нужно, чтобы и въ количественномъ отношеніи наши народныя школы имѣли значительное распространеніе. Но что представляетъ намъ и въ этомъ отношеніи живая дѣйствительность?— Народныхъ училищъ, и по завѣренію министра народнаго просвѣщенія (см. тотъ же его циркуляръ), у насъ еще очень мало, сравнительно съ населеніемъ, школы не часты и слѣд. удовлетворяютъ далеко не всѣхъ. Въ то время, какъ при широкомъ развитіи народнаго просвѣщенія, напр. въ Пруссіи предѣломъ возможнаго вліянія школы считается $\frac{1}{2}$ мили для мѣстностей ровныхъ и $\frac{1}{4}$ мили для гористыхъ, у насъ разстояніе между школами рѣдко бываетъ меньшимъ 15—20 верстъ, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ пространства эти и еще болѣе расширяются. Школа наша при этомъ условіи доступна далеко не для всѣхъ, и это—второй, не менѣе важный существенный тормазъ для всего дѣла просвѣщенія народа. Отдѣленные значительнымъ пространствомъ отъ школы, дѣти крестьянъ, за неимѣніемъ у себя теплой одежды и достаточно хорошей обуви, и особенно въ зимнюю и ненастную пору, естественно затрудняются ея посѣщеніемъ, и факты уклоненія отъ школы, именно вслѣдствіе ея отдаленности, на практикѣ довольно нередки (*). А опытъ кромѣ того показываетъ, что съ увеличеніемъ разстоянія отъ школы соответственно уменьшается и самый процентъ въ ней обучающихся (**). Ясно, что при на-

(*) Новгородскій корреспондентъ Ежедневнаго Обозрѣнія приводитъ напр. со словъ крестьянъ слѣдующія ихъ разсужденія: „Такая школа намъ не сподручна... И далеко къ примѣру... Гдѣ же ребятамъ бѣгать... А отгушать тоже нельзя, и по дому нужны, да и то опять: содержать надо-тъ“. Ежед. Обозр. 1884 г. № 29, въ статьѣ: „школьная монополія“. Тамъ же см. корреспонденцію изъ г. Сосницъ (Черниг. губ.).

(**) Вліяніе школы проявляется у насъ, по свидѣтельству опыта въ слѣ-

стоящихъ условіяхъ просвѣщеніе становится доступнымъ только для пунктовъ, ближайшихъ къ школь, доступнымъ—для меньшинства. За чертою же дѣйствія школы естественно стоитъ теперь предоставленное своимъ собственнымъ средствамъ необразованное большинство, часто относящееся весьма равнодушно ко всякому просвѣтительному начинанію и задерживающее собою успѣхи просвѣщенія. Чтобы вывести дѣло народнаго просвѣщенія изъ этихъ неблагоприятныхъ условій, безъ сомнѣнія, необходимо прежде всего расширить кругъ дѣйствія школы, достигнуть того, чтобы сфера школы охватывала собою все населеніе или по крайней мѣрѣ значительное его большинство; словомъ нужно приблизить школу къ бѣдному и темному населенію, сдѣлать ее доступною даже тамъ, гдѣ еще не проявлялось доселѣ ея благотворное дѣйствіе.

И той и другой современной потребности въ дѣлѣ просвѣщенія народа какъ нельзя болѣе въ состояніи удовлетворить учреждаемыя теперь повсюду церковно-приходскія школы. И во первыхъ, если успѣхи современнаго просвѣщенія задерживаются, какъ мы видѣли, присутствіемъ въ массѣ еще множества темныхъ элементовъ, необработанностью самой почвы, на которой утверждается зданіе народной цивилизаціи, то церковно-приходскія школы прежде всего и имѣютъ въ виду эту темную, невѣжественную массу, удаленный отъ зачатковъ просвѣщенія народъ. Задача ихъ и состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы „быть училищами начальными, утверждать въ народѣ православное ученіе вѣры и нравственности христіанской и сообщать первоначальныя полезныя знанія“ (Прав. о цер.-прих. школ. 51). Какъ школы не дорога, несложныя по своему устройству, элементарныя по своему курсу и какъ

дующемъ видѣ: если школа отстоитъ отъ селенія менѣе чѣмъ на одну версту, то процентъ учащихся с. ставляетъ въ немъ 2,13; на 1—2 версты—1,64; на 2—3 версты, 1,11%; на 3—4 версты—1,25; на 4—5 версты—0,77; на 5—6 версты—0,65; на 6 и болѣе—0,24. Сборникъ ст. свѣд. по Рязанск. губ. выш. Г. Москва, 1883 г. (Замѣст. изъ той же статьи Ежегод. Обзор.).

направленныя къ удовлетворенію первыхъ и главнѣйшихъ запросовъ народнаго духа, онѣ, естественно, и рассчитываютъ на то, чтобы возбудить самую потребность просвѣщенія въ невѣжественномъ народѣ, затронуть его сердце и чувство и вывести умъ его изъ усыпленія. Что именно такова задача школы церковно-приходской, ясно видно и изъ того, что она не чуждается и открываемыхъ по деревнямъ и поселкамъ, домашнихъ крестьянскихъ школъ грамотности и не опускаетъ изъ своего вниманія и людей взрослыхъ и „лицъ не имѣющихъ возможности пользоваться ученьемъ ежедневно“ (§§ 6, 7, 8). Словомъ, кромѣ распространенія первоначальныхъ свѣдѣній въ народѣ, церковно-приходская школа беретъ на себя задачу утвердить и самую основу, на которой прочно могло бы стоять зданіе народной цивилизаціи. И въ этомъ послѣднемъ отношеніи церковно-приходская школа прежде всякой другой можетъ рассчитывать на успѣхъ: дѣло касается здѣсь, какъ мы видѣли, удовлетворенія первоначальной потребности въ просвѣщеніи, или лучше сказать—возбужденія этой самой потребности; а исторія школьнаго дѣла показываетъ, что древнѣйшею, первоначальною и любимую школою у народа, отвѣтомъ на первый запросъ его къ просвѣщенію была именно церковно-приходская школа. Такое высокое образовательное значеніе имѣетъ церковно-приходская школа и сама по себѣ; но если она при этомъ находитъ для себѣ поддержку въ православныхъ церковныхъ братствахъ, одно изъ которыхъ недавно открыто напр. въ Вологдѣ, тогда она должна оказаться и еще болѣе могучимъ средствомъ къ просвѣщенію народа и къ возвышенію его нравственнаго уровня.

Что же касается, во вторыхъ, современнаго недостатка народныхъ школъ въ количественномъ отношеніи, то и здѣсь церковно-приходскія школы какъ нельзя болѣе могутъ оказаться полезными. Какъ школы недорогія и безыскусственныя, онѣ, естественно, сразу же могутъ явиться въ громадномъ количествѣ и своимъ появленіемъ восполнить недочетъ

существующихъ въ наличности школы, такъ что пространства, не заняты школами, чрезъ это значительно сократятся (*), кругъ же дѣйствія школы расширится, и она сдѣлается болѣе доступною для народа. Самый предѣлъ возможнаго дѣйствія школы намѣчается церковно-приходскою школою правильный и естественный: это не 15—20 верстное неопредѣленное пространство, а приходъ съ мѣстною церковію во главѣ. Связь поселянина съ мѣстнымъ храмомъ и съ домомъ священника, какъ извѣстно, живая и самая тѣсная, дѣятельность же церковно-приходской школы и открывается нараздѣльно съ церковью, при участіи, или подъ непосредственнымъ наблюдениемъ священника (§§ 9, 10). При этомъ условіи можно надѣяться, что посвященіе дѣтьми школы, даже и изъ пунктовъ болѣе или менѣе отдаленныхъ, окажется дѣломъ легкимъ и мало-по-малу—для каждаго нравственно-обязательнымъ. Такъ благотворно значеніе церковно-приходской школы и въ этомъ последнемъ отношеніи.

Такимъ образомъ, если въ древнѣйшее время церковно-приходская школа была первымъ и единственнымъ разсадникомъ народнаго просвѣщенія, а дѣятели ея—первыми борцами на этомъ высокомъ и въ тоже время весьма трудномъ поприщѣ; то теперь предстоитъ имъ другая не менѣе трудная задача—уничтожить современные тормазы для народнаго просвѣщенія и утвердить самый тотъ базисъ, на которомъ прочно могло бы стоять зданіе народной цивилизаціи и при которомъ народная школа могла бы быть не только разсадникомъ знаний, но и школою благочестія.

Остается только желать, чтобы высокое и святое дѣло нашло для себя и энергичныхъ, достойныхъ тружениковъ,

(*) При этомъ нужно только пожелати, чтобы и существующія уже земскія школы и открываемыя вновь церковно-приходскія школы направлялись согласно къ одной общей цѣли просвѣщенія народа, какъ это единодушіе предполагается и въ предложеніи п. синодальнаго Оберъ-Прокурора, Св. Синоду, объ утвержденіи Государемъ Императоромъ „Правилья о церковно-приходскихъ школахъ“.

такъ чтобы и не вѣрующіе въ успѣхъ сего дѣла, видя ихъ бодрый трудъ, оставили свое уныніе и могли сказать въ вѣствѣ сь поэтомъ:

Нѣтъ, прочь сомнѣнья! Горькой долѣ

Насталъ теперь послѣдній часъ;

Для пышныхъ жатвъ готово поле,

И пахарь добрый есть у насъ . . .

Преподав. семинаріи *Петръ Успенскій.*

ВОСПОМИНАНІЯ

архіерейскаго пѣвчаго о преосвященномъ **Инно-
кентіи**, бывшемъ епископѣ вологодскомъ

Много было печатано и печатается о жизни и дѣяніяхъ знаменитаго іерарха, бывшаго епископа вологодскаго, впослѣдствіи архіепископа херсонскаго и таврическаго **Инно-
кентіи**; но едва ли гдѣ-либо упоминалось объ отношеніяхъ его къ своимъ пѣвчимъ, отношеніяхъ, показывавшихъ всю глубину чело-
вѣчности незабвеннаго архипастыря. По этому, думаю, не будутъ излишними нѣсколько воспоминаній по этому предмету одного изъ бывшихъ его пѣвчихъ въ Вологдѣ.

Въ годъ прибытія преосвященнаго **Инно-
кентіи** на паству вологодскую, мнѣ было двѣнадцать лѣтъ отъ роду. Будучи урожденцемъ г. Устюга, я обучался тогда въ третьемъ классѣ тамошняго духовнаго училища и былъ пѣвчимъ при Успенскомъ соборѣ. Старшій братъ мой слушалъ философскій курсъ въ вологодской семинаріи и состоялъ также пѣвчимъ въ архіерейскомъ хорѣ, почему въ числѣ прочихъ пѣвчихъ прибылъ въ іюль 1841 года за преосвященнымъ **Инно-
кентіемъ** въ Устюгъ (*). Увидѣвшись со мною и зная, что протоіерей устюжскаго Успенскаго собора **В. И. Нордовъ**, отечески объ

(*) См. статью „Воспоминанія о пребываніи въ г. Устюгѣ въ 1841 году преосв. **Инно-
кентіи**, епископа волог., напечатанную въ № 13 Волог. Епарх. вѣдом. прошлаго 1884 года.

насъ—пѣвчихъ заботившійся, переведенъ въ вологодскій кафедральный соборъ, братъ мой возымѣлъ намѣреніе перетащить и меня съ собою въ Вологду и съ этою цѣлю переговорилъ съ регентомъ архіер. хора протоіереемъ А. Г. Вороновымъ, который, проэкзаменовавъ меня, доложилъ преосвященному и получилъ разрѣшеніе увезти меня въ Вологду въ числѣ пѣвчихъ архіер. хора.

Въ Вологдѣ архіерейскіе пѣвчіе жили тогда въ каменномъ со сводами, мрачномъ и сыромъ, нижнемъ этажѣ подъ крестовою церковью архіерейскаго дома. По возвращеніи изъ обзоренія епархіи, преосвященный Иннокентій перевелъ насъ въ верхній этажъ дома, въ двѣ прекрасныя, обширныя, высокія, свѣтлыя, сухія комнаты съ настѣнными изображеніями изъ библейской исторіи. И здѣсь-то началась наша свѣтлая жизнь. Обыкновенно, по утру, послѣ краткой молитвы, напившись чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ (не рѣдко, особенно въ праздники, бѣлый хлѣбъ присылалъ къ намъ самъ преосвященный какъ бы въ гостинецъ), мы отправлялись въ училище; по возвращеніи оттуда, ожидалъ насъ въ общей столовой сытный, всегда изъ самой свѣжей провизіи, обѣдъ изъ трехъ блюдъ, а вечеромъ снова чай и ужинъ. (Слышно было, что въ прежнія времена жила архіерейскіе пѣвчіе впроголодь). Одѣвали насъ сообразно времени года, тепло и опрятно, заботились о нашемъ спокойствіи и за всѣ эти блага, требовали только, чтобъ мы порядочно учились, пѣли и не дѣлали грубыхъ шалостей. И дѣйствительно, при такой отрадной обстановкѣ, грубыя шалости намъ и на мысль не приходили.

Въ свободное отъ учебныхъ занятій время преосвященный давалъ намъ книжку басенъ Крылова, предоставляя вкусу каждаго списать одну изъ басенъ, выучить наизусть и ему прочесть, обильно награждая насъ за это конфетами. Какъ сейчасъ помню, разъ я читалъ „Музыкантовъ“ и получилъ чуть-ли не самую высшую премію конфетъ.

Не помню хорошо, въ какой день недѣли, а кажется по

пятницамъ (*), собиралось у преосвященнаго вечеромъ интеллигентное вологодское общество, изъ лицъ разныхъ сословій и эти дни были для насъ праздниками. На этихъ вечерахъ велась оживленная, умная бесѣда, а мы время отъ времени исполняли разныя пѣсы духовнаго содержанія и кантаты. Обыкновенно, прежде всего гостямъ подавался чай, потомъ десертъ. Громадный подносъ фруктовъ и конфетъ, обнесенный нѣсколько разъ между гостями, поступалъ потомъ въ наше распоряженіе при такомъ любезномъ предложеніи хозяина: „Господа! лакомства вы не охотно кушаете, позвольте отдать ихъ дѣтямъ“, на что, конечно, получалось полное согласіе.

Бывало преосвященный слушалъ всенощное бдѣніе у себя въ комнатахъ—и это для насъ опять было праздникомъ. Всенощное совершалось въ залѣ, а преосвященный слушалъ въ сосѣдней комнатѣ; по окончаніи его, онъ выходилъ въ залу, а изъ боковой двери вносился сюда громадный подносъ разнаго рода кондитерскихъ печеній, которыми преосвященный и одѣлялъ насъ собственноручно, а взрослыхъ привѣтствовалъ ласковымъ словомъ—и затѣмъ благословивъ каждого порознь, отпускалъ съ миромъ.

До чего простиралась его отеческая заботливость о насъ, расскажу одинъ случай, бывшій со мною. Разъ осенью, вѣроятно простудившись, я заболѣлъ. Къ счастью, въ тотъ же вечеръ, какъ я почувствовалъ себя дурно, преосвященный потребовалъ меня къ себѣ. Доложили, что валяется въ жару и явиться не можетъ. Онъ приказываетъ пригласить къ себѣ регента хора, ростовскаго Яковлевскаго монастыря іеромонаха Дмитрія, даетъ ему бутылку сотерна, проситъ отправиться въ пѣвческую бурсу, напоить меня горячимъ чаемъ съ виномъ, уложить въ постель и потеплѣ закрыть, заключивъ свое наставленіе словами: „Богъ милостивъ, пройдетъ“. О. Дмитрій, конечно, исполнилъ все буквально. Я погрузился въ глубокой

(*) Дѣйствительно—по пятницамъ, которыя въ шутку назывались „учеными пятницами“, такъ какъ большинство присутствовавшихъ на этихъ собраніяхъ состояло изъ преподавателей семинаріи и гимназіи. *Прим. ред.*

сонъ и пробудился утромъ въ сильной испаринѣ, а болѣзни какъ не бывало. Словомъ—положеніе наше тогда было гораздо лучше, какъ я убѣдился впоследствии, чѣмъ положеніе собственныхъ дѣтей въ посредственныхъ чиновничьихъ семействахъ.

Заговоривши объ іеромонахѣ Димитріи, нельзя не вспомнить съ отраднымъ чувствомъ этого во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго человѣка. Онъ нарочито былъ вызванъ въ Вологду преосвященнымъ Иннокентіемъ; основательно зналъ партесное пѣніе, имѣлъ прекрасный теноръ и владѣлъ имъ въ совершенствѣ. И голоса въ хорѣ тогда были большею частію не дюжинные: кто изъ вологжанъ не помнитъ наприм. діакона Неона Кларостратова, или Илью Ивановича Чебыкина? первый имѣлъ довольно сильный баритонъ и владѣлъ имъ съ особеннымъ искусствомъ, а Чебыкинъ, теноръ высшей пробы, поступилъ потомъ въ придворную пѣвческую капеллу, и тамъ былъ далеко не изъ послѣднихъ, такъ что не разъ сопровождалъ за границу покойную Императрицу Александрѣ Феодоровнѣ. И, Боже мой, что было тогда за пѣніе! Довольно обширная при архіерейскомъ домѣ крестовая церковь не могла вмѣщать молящихся и желавшихъ послушать архіерейскихъ пѣвчихъ на всенощныхъ бдѣніяхъ.

Но не продолжительно было наше блаженство. Вскорѣ (въ концѣ декабря 1841 г.) поразила насъ печальная вѣсть, что нашъ отецъ получилъ другое назначеніе; тутъ же рѣшено было между нами—приготовить къ отъѣзду Владыки прощальный гимнъ; по настоянію товарищей, братъ мой написалъ прощальные стихи (къ сожалѣнію не сохранившіеся въ моей памяти), а регентъ іеромонахъ Димитрій положилъ ихъ на ноты, и мы въ свое время, со слезами на глазахъ, исполнили этотъ прощальный гимнъ преосвященному, который, выслушавъ внимательно, сказалъ: „кто создалъ мотивъ, догадаться мнѣ не трудно, но кто писалъ текстъ“? Ему указали на брата. Потомъ всѣхъ насъ онъ горячо благодарилъ, а брата тогда же пригласилъ ѣхать съ нимъ къ мѣсту новаго назначенія; по этому воспротивились наши родители, бывшіе тогда еще въ живыхъ.

Съ преосвященнымъ уѣхали въ Харьковъ, а потомъ и въ Одессу, два воспитанника вологодской семинаріи, П. И. Поддьяковъ и А. И. Логиновскій, исполнявшіе въ Вологдѣ при немъ должности уподіаконовъ и занявшіе впоследствии, какъ было слышно, видные посты въ духовной іерархіи.

Заканчивая настоящія воспоминанія, не могу не прибавить, что вышеописанный мною періодъ времени считаю счастливейшимъ въ моей жизни.

Н. Гор...чій.

1 Юня, 1885 г.

Устюгъ-Великій.

Поправка.

Въ № 14 Волог. Епарх. Вѣдомостей сего года, въ офиц. части, на стран. 195, напечатано: „Безмѣстный священникъ Алфей Разумовъ, 13 Юня опредѣленъ на священнич. мѣсто къ Пакшенской Покровской церкви Вельскаго у.; должно поправить: „Опредѣленъ къ Уфтюжской Николаевской церкви Устюжскаго уѣзда“.

Содержаніе:

—1) Новая просвѣтительная задача церковно-приходской школы.—2) Воспоминанія архіерейскаго пѣвчаго о преосвященномъ Иннокентіи, бывшемъ епископѣ вологодскомъ.

Редакторъ Н. Суворовъ.

Дозволено цензурою. Августа 14 дня, 1885 года. Вологда.
Въ типографіи Губернскаго Правленія.